
Наталья КРОФТС

* * *

Ни вины, ни войны, ни выстрелов —
одиночество, мир иной.
Я живу далеко на выселках,
я планету себе здесь выстрою
окрыленную тишиной.

Ни звонков, ни оков, ни зависти.
Телефон обесточен, глух.
Только зайцы на озимь зарятся,
только совы от солнца застятся
да кукушка кудесит вслух.

Мир затерянный, мир заснеженный,
запорошенный белизной.
Обезвраженный.
Обезвреженный.
И почти уже
не земной.

КУ-КА-РЕ-КУ

Когда мы ели петуха,
хрустели смачно потроха
с лучком из кладовой,
торчало крылышко горбом,
как парус в море голубом,
в кастрюле суповой.

Но мрачно хмурился мой дед,
и невеселым был обед,
и в горло суп не лез.
Мы ели друга. Потому,
что песни нравились ему,
но петь нельзя в большом доме —
здесь вам, друзья, не лес.

Наталья Крофтс родилась в 1976 году на Украине, в г. Херсоне. Окончила МГУ им. Ломоносова и Оксфордский университет. Публикации в журналах «Нева», «Новый журнал», «Новый берег», «Интерпоэзия», «Юность» и других. Английские стихи вошли в четыре британские поэтические антологии. Живет в Австралии.

А он плевал на палачей,
он петь хотел, не спал ночей —
и с часу или двух,
чтоб нам развеять грусть-тоску,
он радостным «ку-ка-ре-ку»,
приветливым «ку-ка-ре-ку»
ласкал и тешил слух.

Но вот явился управдом
и пенье обозвал вредом:
«В кастрюлю этих Петь!
Держите кошек и собак,
а петуха нельзя никак,
горластых нам нельзя никак —
нельзя ночами петь!»

Здесь можно спать, плясать гавот,
скандалить, нить, растить живот,
собачиться до драк,
хамить и врать, хлестать вино,
быть с Чудом-Юдом заодно —
но петь у нас запрещено,
но петь нельзя никак!

...Сквозь слезы я гляжу на суп.
Мне три. Я Петю не спасу.
Не прыгать петушку.
Но слышу я — сквозь боль и страх —
молитвой звонкой на ветрах —
да это ж я сквозь боль и страх
пою: «Ку-ка-ре-ку».

ГИМН В ЧЕСТЬ КАПУЧИНО

Горланят: «Мир жесток и глуп,
Кругом — гнилье да мертвечина,
За око — око, зуб за зуб».
Друзья! Под звук зловещих труб
Утопим беды в капучино!

О, чаша, пенный дар небес,
Мы злу найдем первопричину,
Решим, кто ангел здесь, кто — бес,
Кто с миром праведным — вразрез,
Кому — ни капли капучино!

Прогоним сон, зажжем умы,
 Отбросим тусклые личины,
 Среди хищных дум и злобной тьмы
 От Колымы до Колымы
 Пусть грянет вновь: «Рабы не мы!»
 И — «Полконя за капучино!»

* * *

Время съежилось.
 Мрачно забилося в паркетную щель —
 то ли стыдно ему,
 то ли — мне.
 И вообще,
 больше не о чем —
 незачем —
 с ним разговаривать.
 Полоумный старик —
 время месит болотно-тягучее, жгучее варево
 из нелепых обрядов, обетов, насытых утроб,
 похорон и хвороб,
 из ворованных мыслей, восторженных чувств и вороньего грая.
 Может, просто играет.
 Войнушки —
 любимая с детства игра.
 И стирается грань —
 на экране —
 то Звездные войны —
 то — пылает Рейхстаг,
 то — пылает над полем рассвет —
 Куликовым, кровавым —
 скажите, какой это век?..

* * *

Определение себя от обратного.
 От оборотной своей стороны —
 темной, изъеденной оспою,
 словно изнанка луны.
 Определение себя от противоположного —
 чем больше противоположного, тем резче сжимается «я» —
 будто края
 опаленной бумаги.
 И флаги —
 ходишь поближе —
 на ощупь — совсем не мои.
 Все чаще бои —

но все реже я верю призывному граю —
тому, кто играет
— и с пафосом щеки надул —
трубачу-трюкачу.
Как надо — не знаю.
Но знаю, что так не хочу.

ПИСЬМО

Сквер завьюжила скверна
этих зябнущих дней.
Безысходность Инферно —
только здесь холодней.
В эти дни коронаций
и парадов-алле
жду тебя на Сенатской
у замерзших аллей.

В эти дни коронаций,
в этот век миражей
мы с тобой на Сенатской
не встречались уже.
Но я помню: у кручи,
возведенной Петру, —
сероглазый поручик
на декабрьском ветру.
И я помню метели
всех заснеженных дат.
Кто там — эти ли, те ли
победили тогда?

Память, как эмигрантам,
нам подбросит ломоть —
Анатолия Гранта
польхающий мост,
сказки: «Шел по Шпалерной —
и домой не дошел»,
горечь дней и Фалерна,
леденящий крюшон,
крохи, крахи, кровавый
петроградский восход,
днем — сияние славы,
ночью — крики «в расход».

Эра галлюцинаций.
Память шепчет: «Держи:
на застывшей Сенатской —
миражи, миражи».

Нам с тобой не угнаться
за безумием дней.
Жду тебя на Сенатской
у болотных огней,
в блеске иллюминаций,
у дворцов изо льда.

Жду тебя на Сенатской
в день — ты помнишь? — когда
наше дикое племя
бросит зло да ножи —
и раскрошится время,
и окончится жизнь.